

Константин Филимонов

СПАСИТЕЛЬ, ЗЛОДЕЙ, ЖЕРТВА или ПОРТРЕТ ДИКТАТОРА

(современная пьеса)

18+

Константин Олегович Филимонов Спаситель, злодей, жертва, или Портрет диктатора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64596001

SelfPub; 2021

Аннотация

Драматическая пьеса написана ещё в 2001-м году, но правилась (редактировалась) до 2016-го, а затем и 2020-го. Актуальная пьеса – особенно сегодня и особенно в России!

Константин Филимонов

Спаситель, злодей, жертва, или Портрет диктатора

Светлане – жене, другу – посвящаю...

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЧЕТ ДОУ – художник,

МОЛЛИ – его экономка,

СТЕП РОУЗ – лейтенант Черной Гвардии.

—

В небольшом и небогатом государстве Энляндия произошел переворот. В результате путча было свергнуто демократическое правительство. Президент Уилл Бар убит. К власти пришли Черные Гвардейцы во главе с генералом Пеликаном.

События пьесы развиваются в доме всемирно известного, но всеми забытого художника Чета Доу.

—

Сцена первая: МАСТОДОНТЫ

(Доу и Молли сидят у камина. Он – в кресле, укрывшись тяжелым выцветшим пледом. Она сидит рядом на стуле.)

ДОУ: Эх, Молли, Молли!.. Моя беда в том, что в свои шестьдесят три года я все еще нахожусь в здравом уме. Хотя иногда кажется, что уж лучше б я спятил, лучше б не замечал этой вакханалии, которая творится вокруг с того самого дня, как этот бурбон генерал Пеликан возомнил себя диктатором и с помощью своей гвардии захватил власть в Энляндии... Хм... Кстати, ты не знаешь: Пеликан – это фамилия или прозвище?

МОЛЛИ: Вы уже много раз спрашивали меня об этом, господин Доу, и я отвечала Вам: я не знаю.

ДОУ: Вот и я не знаю... Хотя, сказать по правде, этот новоявленный мизантроп, этот провинциальный выскочка с наполеоновскими амбициями, действительно походит на пеликана! У него такой же уродливый провисший подбородок, заостренный нос, а походка и повадки, словно у хищника... Да, да, он очень походит на пеликана... Молли, а ты видела его?

МОЛЛИ: Вы уже спрашивали меня и об этом. Нет, я никогда не видела генерала Пеликана. Только на фотографиях

в газетах и по телевизору.

ДОУ(с тихой злостью): Солдафон!.. Невежда!.. Господи, да как же так случилось, что этот безмозглый скунс захватил нашу страну? Неужели это будет продолжаться вечно?.. Хм... Как ты думаешь, Молли, сколько это будет продолжаться?

МОЛЛИ: Я уже отвечала Вам, господин Доу: я не знаю – сколько это будет продолжаться. А вот Вам не стоило бы так волноваться, иначе у Вас опять случится сердечный приступ, а лекарств у нас больше нет. Они закончились еще на прошлой неделе. И денег у нас тоже нет. А аптекарь Виллс ни за что не даст в долг ни снотворного, ни сердечных капель... Этот аптекарь такой скупой, что даже яда в долг не даст...

(Молли тайком достает из кармана фартука большую пачку денег. Но, поглядев на Доу, тяжело вздыхает и нерешительно прячет деньги.)

ДОУ: Яда?.. Нужно быть очень не практичным человеком, чтобы давать людям в долг яд!..

(Некоторое время они молчат. Каждый думает о своем.)

ДОУ: ...Ты знаешь, Молли, с некоторых пор у меня такое чувство, будто за мною кто-то подглядывает. И самое страшное, что я понимаю свою беспомощность, невозможность спрятаться от этого наглого всевидящего ока. И тот, кто за мною подглядывает, все это тоже понимает, поэтому и ведет себя издевательски надменно – не показываясь, а лишь обозначая свое присутствие. Я – в панике, а он – в диком

восторге!..

МОЛЛИ: Эх, господин Доу! Беспокоит меня Ваше здоровье! Сидите Вы целыми днями дома, спать ложитесь поздно, просыпаетесь рано... вон – осунулись весь, мешки под глазами... С таким к себе отношением, понятно, что угодно может привидеться. Как еще по Вам черти табунами не скачут?!

ДОУ: ...Со мною уже было нечто подобное. Только давно, очень давно – в детстве. Лет десять или двенадцать мне было. Заболел я тогда страшно. Температура под сорок, меня колотит, как в лихорадке, и сознание рассеяно. Полусон, полуявь, полубред... А когда кризис миновал, температура немного спала, вот здесь и появилось это странное ощущение, будто кто-то всемогущий и невидимый подглядывает за мною...

Говорят, что Пикассо постоянно жил с этим странным чувством – ему всегда казалось, будто незримый Некто наблюдает за ним со стороны. Может быть поэтому Карл Юнг назвал Пикассо «гением идиотов»...

МОЛЛИ: Да-а!.. Идиотов сейчас много!..

ДОУ: Один цирковой артист... по-моему, он был акробатом... ну, это неважно... так вот, этот акробат рассказал мне однажды, что в цирке есть неписанный закон – когда циркачи репетируют, оттачивают какой-нибудь номер или трюк, то ни в коем случае нельзя уходить с манежа пока трюк не получится. Работай до седьмого пота, до полного изнеможения,

но выполни трюк хотя бы раз... Хм, да... хотя бы разок!..

МОЛЛИ: Что Вы сказали, господин Доу?

ДОУ: Да, так... ничего!.. (грустно усмехаясь) Просто... мне всегда казалось, что на глазах у тысяч восторженных зрителей я выполняю какой-то суперсложный трюк или номер, а теперь получается, что и номер-то мой – так себе, и выполнял я его кое-как, да и зрителей в цирке нет... ни одного человека...

МОЛЛИ: У-у, что Вы, господин Доу! Сейчас даже на рынке людей нету!.. Одни торгаши стоят и своими ценами другого-другую кусают...

ДОУ: Молли, а ты видела Пеликана?

МОЛЛИ: Где? На рынке?..

ДОУ: ...А я видел его. Я ведь встречался с ним ранее. Впервые – еще лет десять назад, когда писал первый портрет нашего през... нашего бывшего президента Уилла Бара. И, представь себе, я совершенно не помню пеликанского лица. Вот помню, что он крутился вокруг президента, а лица его не помню. В то время Пеликан был капитаном гвардии и, по-моему, отвечал за личную безопасность Уилла Бара, но я не могу вспомнить ни самого Пеликана, ни его глаз, его мимики... Хм... Знаешь, Молли, я уверен, что Ломброзо был не прав. Самые отъявленные убийцы, маньяки и насильники обладают не какой-то выдающейся, а самой что ни на есть заурядной внешностью. Это уже потом, после разоблачения, когда преступник сидит на скамье подсудимых и его

вина практически доказана, бездарные графоманы-журналисты начинают приписывать подсудимому страшные черты лица. Ну, что-нибудь типа, «узкий лоб» или «острый нос». И, хотя и лоб у преступника совершенно нормальный, и нос ничуть не острее, чем у остальных, но обыватели с легкой руки репортеров обнаруживают все эти штампы на лице убийцы. Каково, а?! Вот так и создается то, что называется «общественным мнением»... А между тем у преступника совершенно ничем не примечательная физиономия. Серая вонючая мышь – не более того...

МОЛЛИ: Да!.. Мыши очень вонючие!.. Бр-р-р...

ДОУ: Я ведь несколько раз видел Пеликана, что называется воочию, но абсолютно его не помню!.. О чем это говорит? Да о том, что у нашего безмозглого диктатора внешность серой мыши... Это сейчас я, как те графоманы, начинаю замечать на его лице отвратные черты: пеликанский провисший подбородок, все тот же узкий лоб, заостренный на кончике нос и другие дежурные для диктатора-кровопийцы штампы-детали портрета. Но еще полгода назад... ты слышишь меня, Молли, всего лишь полгода назад я проходил мимо него словно мимо пустого места. Я не замечал его, Молли!.. Наверное, точно также германские бюргеры с кружками пива в руках проходили мимо маленького тщедушного человечка по фамилии Шикльгруббер. Они в упор глядели, но не замечали того, чей облик в скором времени сделается тотемом Третьего Рейха... Кстати, Молли, а ты знаешь – кто такой

Адольф Шикльгрубер?

МОЛЛИ: Откуда же мне знать какого-то Шикарубара, если я никогда не была в Германии?

ДОУ: Адольф Шикльгрубер – это настоящее имя Гитлера. А ты знаешь, как он стал Гитлером?.. Или как Иосиф Джугашвили превратился в Сталина? Знаешь?.. Нет, ты не знаешь этого! Потому что эта великая тайна превращения из серой вонючей мышки в диктатора известна только нам – художникам! Это мы – портретисты – придаем обрюзгшим невыразительным лицам наших вождей суровые мужественные черты. И, таким образом, мы, создавая ложный образ, создаем ложное «общественное мнение». И люди вдруг начинают «видеть» на примитивной, непрезентабельной физиономии диктатора то, чего там никогда не было. Вот так-то!.. Джугашвили был усредненным низколобым уродцем с сухой рукою и противным рябым лицом, а мы – художники – сделали его красавцем! И, поверь мне, когда русские видели воочию своего рябого вождя, они не замечали в его внешности ни примитивизма, ни уродства. Потому что мы зомбировали их!..

МОЛЛИ: Господи, да что Вы такое на себя наговариваете!?

ДОУ: Нет, Молли, ты не понимаешь!.. Ты многого не понимаешь!.. Искусство – это самое сильное и самое эффективное оружие политиков! Для удержания власти необходима своя (!) культура, которая отныне будет отражать нацио-

нальную идею. О-о, это очень тонкий и очень страшный инструмент власти! Самый страшный!.. И не только потому, что искусство – это прежде всего метаморфоза, а еще и потому, что оно действует на сознание масс, как удав на кролика... Есть такая притча... хм... вот только не помню – где я ее прочитал?.. По-моему, у Бомарше... Ну, да не важно!.. Итак, слушай, Молли, притчу:

На огромном корабле, который перевозил через океан рабов, вдруг закончилась провизия. В трюмах – понятно – смрад, стенания. Того и гляди, рабы обезумеют от жажды и голода, взломают решетки и вздернут на реях капитана и его команду. И тогда хитрый капитан спустился в свою капитанскую каюту и достал из кованого сундука пыльных пронафталиненных тряпичных кукол. Он собрал рабов и стал показывать им кукольный спектакль. Странное дело, но представление было настолько увлекательным, что рабы забыли о голоде. А если рядом умирали их товарищи, то рабы не замечали этого...

У этой нехитрой, в общем-то, притчи двойное резюме.

Во-первых, если на корабле закончилась провизия, рабам начинают показывать кукольный спектакль.

И обратное, второе резюме: если нам показывают кукольный спектакль, значит, на нашем корабле давно уже закончилась провизия...

МОЛЛИ: Так он довез их?

ДОУ: Кто?..

МОЛЛИ: Ну, этот капитан доvez своих рабов? Они не умерли?..

ДОУ: Ах, Молли, Молли!.. Ты опять ничего не поняла. Речь идет вовсе не о еде. Мы, люди, лишены духовной пищи, но вместо вечных истин и ценностей нам показывают дешевое и пустое тряпичное представление. И, если уж говорить больше, то диктатор – вовсе не капитан на нашем корабле. Сталин, Гитлер, тот же Пеликан – это всего лишь пыльные куклы. А капитан – это дьявол, по сатанинскому сценарию которого все мы так послушно играем... Леонардо да Винчи сказал однажды, что люди подразделяются на три ярко выраженные категории: на тех, кто видит, на тех, кто видит только то, что им показывают и на тех, кто ничего не видит и не желает видеть. Так вот большинство... подавляющее большинство людей – это те, кто видит только то, что им показывают.

МОЛЛИ: Вы все какими-то загадками говорите, господин Доу... Неужели было бы лучше, если б рабы умерли?.. А если они не умерли, если капитан их доvez, значит, он о них заботится. Так?..

ДОУ: Нет, не так! Заботится капитан вовсе не о рабах, а о своей жалкой шкуре... о том, чтобы голодные рабы не вздернули его на рее.

МОЛЛИ: Господи, да что Вы так расстраиваетесь? Ну, доvez же он их – и ладно! Не умерли же они с голоду!?!.. Кстати, и Вам надо бы покушать. Вы бы поужинали, а?.. Я салат Ваш любимый приготовила. И вино можно открыть, я купила се-

годня бутылку французского красного вина...

ДОУ: Стоп! Ну-ка признавайся, Молли, где ты взяла деньги?.. Ну, что ты молчишь? Быстро отвечай!..

МОЛЛИ: Хорошо, я расскажу, только Вы на меня не ругайтесь... Сегодня днем ко мне на улице подошел молодой мужчина. И спрашивает: «*Вы служите экономкой у господина Доу?..*» А сам улыбается... Приятный такой, знаете ли... высокий, стройный...

ДОУ: Ты рассказывай по существу. Что ты переливаешь из пустого в порожнее?.. Он что – дал тебе денег?

МОЛЛИ: Я же и рассказываю. Он, значит, говорит: «*Вы – говорит – мол, служите у господина Доу?*» Я говорю: «*Да!*» А он тогда говорит: «*Я – говорит – большой поклонник его таланта и давно – мечтаю с ним... ну, то есть с Вами, познакомиться!*».. Вот и все...

ДОУ: Нет, не все! Откуда у тебя деньги?

МОЛЛИ: Господин Доу, видит Бог, я отказывалась... говорила, что у Вас все есть, что Вам ничего не надо... А он говорит: «*Я ведь знаю, – говорит – что у господина Доу нет денег на лекарства. И – говорит – знаю, какой скупой этот аптекарь Виллс! Так что вот – говорит – вам деньги, берите и не отказывайтесь, а то – говорит – вы сильно меня обидите*»...

ДОУ: И сколько же он тебе дал?

МОЛЛИ: Ну... я не считала...

ДОУ: Сколько?

МОЛЛИ: Тыщу...

(Молли нерешительно достает из кармана фартука пачку денег и отдает их Доу.)

ДОУ (беря деньги): Что? На лекарства – тысячу? Да за эти деньги можно купить и аптеку, и самого Виллса!.. Ты же только что утверждала, будто у нас нет денег?

МОЛЛИ: Я не знала, как Вам сказать... Думала, что Вы будете ругаться... Господин Доу, Вы бы покушали, а? Давайте я накрою?

ДОУ: А что он еще говорил... хм... этот твой... таинственный незнакомец? Я же чувствую, что ты опять что-то не договариваешь...

МОЛЛИ (в ужасе глядя на часы): Ой, я же совсем забыла... Он сказал, что зайдет к Вам сегодня в девять часов, чтобы переговорить по какому-то очень важному делу.

ДОУ: А который час?

МОЛЛИ: Без пяти девять...

(Раздается стук в дверь. Молли бросается открывать, а Доу взволновано ожидает появления гостей. В комнату входит солдат с двумя пакетами в руках и красавец офицер.)

РОУЗ (приказывает солдату): Пакеты на стол и жди меня в машине!

(Солдат кладет пакеты, браво отдает честь офицеру и уходит)

РОУЗ: ...Добрый вечер, господин Доу!.. Разрешите представиться! Лейтенант гвардии Роуз! Степ Роуз!.. А если от-

ставить официоз то, я из тех, кто преклоняется пред Вашим талантом. Еще мальчишкой несколько раз я был на Ваших выставках в Центральной галерее и счастлив тем, что живу не только в одно время с гением, но и в одной стране, в одном городе... (осекается) О, Боже!.. Вы простите меня, господин Доу, но когда я ехал сюда, к Вам, то думал, что скажу одно, а на самом деле моя речь получилась какой-то длинной, напыщенной и потому глупой. Если Вы не против, давайте выпьем вина, может хоть это снимет напряжение. Будьте добры, распорядитесь, чтобы Ваша экономка разобрала пакеты: там вино, фрукты, конфеты...

(Молли проворно разбирает пакеты и наливает в бокалы вино)

РОУЗ: За знакомство!..

(Мужчины поднимают бокалы и выпивают)

ДОУ: М-м-м!.. Отличное вино! Очень давно не пробовал ничего подобного... Прекрасно, прекрасно!.. Но, Молли доложила, что у Вас ко мне какое-то дело. Я готов Вас выслушать...

РОУЗ: ...Вы знаете, господин Доу, если можно, то о деле я бы хотел поговорить несколько позднее. А сейчас мне бы хотелось выпить за Ваше здоровье! Дай Вам Бог долгих лет жизни и неиссякаемого творческого потенциала!.. (опять осекается и заразительно, весело смеется над собою) Ну вот, Вы сами видите, что от волнения я забыл все нормальные слова и на языке у меня крутятся только пафосные избитые

тирады... Простите, господин Доу, чтобы не раздражать Вас своей болтовней, я не буду больше петь Вам дифирамбы, и скажу просто – пью за Вас!..

(Они снова выпивают)

ДОУ: Прекрасное вино!.. Присаживайтесь... э-э-э... извините старика, не запомнил с первого раза Вашей фамилии.

РОУЗ: Лейтенант гвардии Роуз!.. Степ Роуз! И... не знаю, смею ли я Вас просить, но, если можно, называйте меня по имени... Понимаете, армейская субординация напрягает меня тем, что так или иначе, но человек обезличивается. У нас, военных, нет имен! У нас их отняли! Поэтому, прошу Вас, если это Вам удобно, называйте меня так, как называла меня мама – Степ.

ДОУ: Хорошо, Степ!.. Хорошо!.. Налейте мне еще вина...

(Художник уже абсолютно расслаблен. Он садиться в кресло напротив милейшего парня Степа Роуза, который волею судеб вынужден носить на себе эту черную форму, исполняя чьи-то идиотские приказы, но, что поделать, служба – есть служба)

РОУЗ: ...Господин Доу, я понимаю, насколько тяжело Вы переживаете все перемены в нашей стране... Вернее, я только могу догадываться, насколько Вам тяжело. Однако не считите за бестактность: Вы сейчас работаете?.. Пишите что-нибудь?..

(Художник многозначительно замолкает – вопрос задел его за живое. Он отхлебнул вина и, глядя то на дно бокала,

то на Степа Роуза, грустно улыбаясь, тихо произнес)

ДОУ: ...Прежде чем ответить на Ваш вопрос, хочу рассказать Вам притчу... Я, знаете ли, в молодости собирал и записывал притчи. Так вот одна из них.

Огромное бревно несут трое человек. У первого из них спрашивают: «Что ты делаешь?..» «Разве не видите – отвечает – меня заставили работать...» Спрашивают у второго: «А ты что делаешь?..» Отвечает второй: «Разве не видите – на хлеб зарабатываю...» Тогда спрашивают третьего: «А ты что делаешь?..» Улыбнулся третий и отвечает: «А я строю ХРАМ!»...

Вот так и я, всю свою жизнь строю Храм. Оказывается, я не умею быть рабом своего дела, то есть не умею вымучивать результат и не представляю, как можно искусственно разбудить в себе вдохновение. К стыду своему, а может и наоборот – к счастью, я не умею зарабатывать на хлеб и никогда не делал коммерции на своих картинах, хотя многие негодяи убеждали меня, что это очень выгодно... Однако, повторюсь, я всегда строил Храм! И когда фортуна поворачивалась ко мне, так скажем, спиной, я просто переставал что-либо делать. Я не могу, не умею работать из-под палки или во имя куска хлеба! Наверное, это блажь, но... мне всегда нужно знать, что если я что-то делаю, значит, я строю Храм! А на меньшее я не согласен!..

РОУЗ: Господин Доу, я преклоняюсь пред Вами... И, простите меня за смелость, но прошу Вас, подумайте и составь-

те список – какие конкретно бытовые вопросы необходимо решить? Я зайду к Вам завтра и, поверьте, постараюсь сделать все, что в моих силах. По крайней мере, голодать Вы уже точно не будете! А все, что касается лекарств – я отдал распоряжение и Ваша экономка может теперь совершенно бесплатно заказывать в аптеке любые медикаменты. Я оставлю Вам номер своего телефона – звоните хоть днем, хоть ночью – всегда буду рад помочь... Ну, а сейчас разрешите откланяться.

ДОУ: Ка-ак?.. Вы же хотели поговорить со мною о каком-то деле?.. Я слушаю Вас, Степ!.. Внимательно слушаю!..

РОУЗ (смеется, машет руками): Нет, нет, нет, господин Доу! Не смею Вас обременять своим присутствием и уж тем более не стану досаждать мелкими просьбами. Сейчас я действительно очень тороплюсь. И, если позволите, то о моем деле мы поговорим как-нибудь в следующий раз... Итак, я загляну к Вам завтра примерно в это же время. Хорошо?

ДОУ: Конечно, конечно! Мой дом всегда открыт для Вас, Степ! И... спасибо Вам за все!

РОУЗ: Честь имею!..

(Мужчины с чувством пожимают друг другу руки. Офицер браво отдает честь и выходит. Минуту-другую художник стоит перед дверью, тупо глядит в никуда, думая о чем-то своем. Он захмелел. Впервые за много дней Черт Доу расслабился, опьянел, но опьянел он вовсе не от вина, а от забытого чувства спокойствия, которое совсем недавно казалось

абсолютно нереальным.)

ДОУ: Молли!..

МОЛЛИ: Слушаю Вас, господин Доу!

ДОУ: Разбуди меня утром в восемь часов. К половине девятого приготовь мне крепкий кофе... У нас есть кофе?

МОЛЛИ: Да, теперь у нас есть кофе!

ДОУ: Значит, приготовь мне кофе, и весь завтрашний день я буду работать. Ты слышишь меня, Молли? Завтра я снова начинаю работать!!!

МОЛЛИ: Я поняла.

ДОУ: Так... что-то еще забыл!.. Ах, да! Напомни мне, что вечером придет Степ. Ужин должен быть готов к его приходу... .

МОЛЛИ: Хорошо, господин Доу! Я все сделаю.

ДОУ: А я буду работать. Пора снова строить Храм!.. *Erriug si tuove!*..

МОЛЛИ: Вы что-то сказали, господин Доу?..

ДОУ: *«И все-таки она вертится!!!»*

Сцена вторая:

PRO и CONTRA

(Вечером следующего дня, после ужина приготовленного великолепной хозяйкой Молли, Чет Доу и Степ Роуз, сидят в креслах у камина, курят и философствуют. Сегодня Степ не в военной форме, а в дорогом строгом костюме, который

идет ему еще более, чем офицерский мундир.)

ДОУ: Нет, нет и нет, дорогой мой Степ! Я никогда не при-
му Насилие, как форму освобождения. Насилие не может по-
родить Свободу. Насилие порождает только новое Насилие.

РОУЗ: «Насилие... Свобода...» – условности! Все в на-
шей жизни условно! Да и сама жизнь тоже... Вы так не на-
ходите?.. Ну, хорошо! Наберусь наглости, и задам Вам, в об-
щем-то, идиотский вопрос: сколько будет «два плюс два»?..

ДОУ: Вы это серьезно?..

РОУЗ: Вполне. Сколько будет «два плюс два»?..

ДОУ: Ну, вероятно... «четыре».

РОУЗ (весело): Вот видите!.. А почему Вы так ответи-
ли? Да потому что еще со школьной скамьи запомнили, что
«две палочки плюс две палочки равняется четыре палочки».
Так?..

ДОУ (смеется): Так!.. А Вы, как я вижу, придерживаетесь
другой точки зрения.

РОУЗ: А теперь сложите: сколько будет, ну допустим, две
капли воды плюс еще две капли точно такой же воды?.. Усло-
вия, заметьте, остались те же самые, но в результате Вы по-
лучаете все, что угодно, но только не четыре. Это может быть
одна большая капля или мириады брызг... Вот и получается,
что все в этой жизни условно. Именно поэтому я и не
согласен с Вами, господин Доу! Можно совершенно разный
смысл вкладывать в такое понятие, как Насилие. И, поверь-
те, я ни в коей мере не оправдываю убийц, завоевателей и им

подобных, но... требовать отменить Насилие, как таковое, означает требовать отменить законы Природы! Мир жесток сам по себе, но таким он создан.

ДОУ: Создан кем? Богом? Дьяволом?..

РОУЗ: Да какая разница!? Сколько бы мы, люди, не задавались этим философским вопросом, все равно ведь окружающий нас brutальный мир не изменится! А посему – выход один: принимать его, этот мир, таким какой он есть... И, вообще, на мой взгляд, существует два самых бессмысленных занятия. Во-первых, это пытаться переделать мир. Праздная затея!.. Ну, допустим, не нравится человеку то, что его окружает! Вот и пытается он что-то изменить. Да только тщетно!.. Ему бы, бедняге, понять, что переустройство мира внешнего всегда начинается с переустройства самого себя. Поскольку, если тебе не нравится тот мир, который стоял до тебя веками и будет таковым оставаться и после тебя, значит, проблема-то не в мире, а в тебе самом!.. А другое бессмысленное занятие – это пытаться спрятаться и тем самым сделать вид, будто проблемы не существует. Но опять же тщетно! Потому что спрятаться невозможно. Будь ты в скиту, в глухом лесу, будь ты в пустыне... Но мир людей ничуть не страшнее мира животных или мира растений – везде ты встретишь одно и то же: молодое и сильное приходит на смену старому и слабому. Так было, так есть, так будет! И даже если это и воспринимать, как Насилие, то это не Насилие, как форма Зла, а Насилие, как единственно правильная

форма обновления жизни. . . .

ДОУ: В Вашем монологе, мой дорогой Степ, есть что-то мефистофельское. Помните, у Гете? Фауст спрашивает: «*Ты кто?*» А Мефистофель отвечает парадоксом: «*Часть силы той, что без числа творит добро всему желая зла!*..» Парадокс! Неразрешимый парадокс!

РОУЗЗ: Да в чем парадокс-то?

ДОУ: В чем?.. А вот в чем! Только внимательно следите за ходом моих рассуждений. . . Представьте себе, что некий злодей напал на жертву. Жертва, понятно, кричит: «*Help!*.. *Помогите!*..» и, по закону жанра, на помощь прибегает некий спаситель. Этот спаситель – из благих, заметьте, побуждений – обрушивает свой праведный гнев на грешную голову злодея. . . Знакомый сюжетец, не правда ли? Замкнутый треугольник, где четко определена каждая роль и можно поставить точку. . . Сплошь и рядом мы встречаем это в нашей странной жизни, и потом проклинаям злодеев и воспеваем спасителей. Все, казалось бы, логично. . . Однако здесь надо ставить не точку, а многоточие или, еще лучше, запятую. Потому что, как только спаситель обрушил свой гнев на злодея, так сразу же злодей из злодея превращается в жертву, а спаситель, в свою очередь, превращается в кого?.. – правильно, в злодея. И теперь уже новая жертва, которая еще недавно была злодеем, кричит «*Help!*» – зовет на помощь. И прибегает новый спаситель и, как Вы уже, наверное, догадались, обрушивает свой праведный гнев на злодея-спасителя, кото-

рый тут же превращается в жертву и, конечно же, вынужден звать на помощь... Все! Этот парадокс будет продолжаться до бесконечности. Потому что человек, примеривая на себя роль спасителя, злодея или жертвы, тут же становится зависимым. Вывод: жертва всегда сама виновата в том, что она стала жертвой! Потому что на любую силу всегда найдется более сильная сила! Социальная спесь наказуема... Поэтому я и согласен и одновременно не согласен с Вами.

(Степ Роуз весело и звонко рассмеялся)

РОУЗ: С ума сойти!.. Еще вчера Вы казались мне Небожителем, а сегодня я, ничтожный, позволяю себе спорить с Вами. Это ли не наглость с моей стороны?

ДОУ: Ну что Вы, Степ! Напротив, я очень рад, что в кои-то веки представилась чудесная возможность побеседовать с умным человеком. Не дай Вам Бог дожить до моих лет и познать дефицит общения... О-о, это куда страшнее, чем голод или жажда!.. Ну, а то, что у Вас своя точка зрения, отличная от моей, так это даже хорошо! Так и должно быть... Чувствуется, что Ваша мудрость выстраданная, не заемная... Однако не осуждайте мой старческий консерватизм, но я все равно не принимаю Вашей философии вселенского и неизбежного насилия.

РОУЗ (через паузу): Помнится, накануне Вы рассказывали мне притчу. Я отвечу тем же, и, может быть, моя притча пополнит Вашу золотую коллекцию. Итак...

Три самых лучших бойца восточных единоборств реши-

ли продемонстрировать всему миру свои ловкость и силу. И вот выходит первый боец. Становится у стены, а перед ним, на расстоянии всего в несколько шагов, становятся крепкие молодые мужчины, которые со всей силы начинают бросать в бойца камни. Но боец ловок и ни один камень не попал в него. «Вот это техника!!! Браво!!!» – кричат изумленные зрители...

Тогда выходит второй боец и так же становится у стены. И с какого бы расстояния не бросали в него камни, боец стоял, даже не шелохнувшись, а камни, как заколдованные пролетали мимо. «Фантастика!!! Это просто магия!!!» – восхитились зрители...

Но вышел третий боец. И встал у стены. И улыбнулся. И ни у кого не поднялась рука бросить в него камень...

ДОУ: Хм... Прекрасная притча! Но ее должен был рассказать я!.. Я, а не Вы! Степ, это моя притча, потому что она больше соответствует моей философии, а не Вашей.

РОУЗ: Как раз – нет! Я, как тот боец, продемонстрировал Вам силу, против которой не нужна более значительная сила. Но... Люди в большинстве своем слабы! Слабы и зависимы! Надеюсь, с этим Вы не станете спорить. И они, эти слабые люди, уважают... и я бы даже сказал, подобострастно уважают чужую силу. Поэтому, повинувшись стадному инстинкту, они и выбирают себе самого сильного вожака. Заметьте, не самого мудрого, а самого сильного! Таким образом, на смену мудрому Уиллу Бару приходит сильный гене-

рал Пеликан. Мудрость, увы, не может защитить беззащитных. Сегодня обывателю нужна та самая сильная рука, которая и защитит, и, если надо, покарает. Что ж, слабым людям необходимо и то, и другое. Но самое главное, что сильная рука способна накормить... Да, это банально, это пошло, но это так!.. Вечная эмпирия!..

Вот Вы говорили о самом страшном для Вас голоде – голоде общения. Но Вы же понимаете, что для подавляющего большинства наших с Вами соотечественников на первом месте стоит проблема сытого желудка. Увы, энляндцы не пуритане... Много лет страной правил мудрый демократ Уилл Бар, который так и не сумел накормить свой народ. Более того, этот президент не смог защитить даже себя в минуту опасности, потому что он был мудрым, но слабым. А теперь ответьте: зачем энляндцам нужен такой правитель, который не то что их, обывателей, но и собственно самого себя не в силах защитить?! Не потому ли, когда пришел к власти генерал Пеликан, то люди не стали с оружием в руках отстаивать прежнюю, слабую власть. Обыватель почувствовал ту самую сильную руку, о которой давно мечтал, которая его наконец-то вдоволь накормит.

ДОУ: Сильная рука?.. Хм.. Ну, ну... Вы знаете, Степ, лет двадцать назад я путешествовал по странам Азии и Востока. Поездка была весьма занимательной и поучительной. Иногда мне казалось, что я попадал в какую-то восточную сказку: падишахи, наложницы, евнухи, экзотические базары. Но...

fata Morgana... на фоне всего этого поистине сказочного великолепия на улицах городов я сплошь и рядом видел грязь, нечистоты. И всюду вонь... жуткая невыносимая вонь. А люди – побирушки и пройдохи. Человек на Востоке рождается социально обреченным: либо с золотой удавкой на шее, либо сразу же с протянутой для милостыни рукой. Люди изначально поделены на касты и тем самым у этих людей, опять же изначально, отнимают право выбора. Причем, модное ныне на Западе экзистенциальное учение о реинкарнациях, Карме и о так называемом колесе Сансары – там, на Востоке, все это принимает совсем иной, уродливый смысл: люди несчастны от осознания того, что они ничего не могут изменить в своих жизнях. Достижение Nirваны – прерогатива лишь избранных... Впрочем, подождите, я, кажется, хотел рассказать о чем-то другом?

РОУЗЗ: Вы превосходно рассказываете!.. Но начали Вы с рассуждений о сильной руке.

ДОУ: (рассмеявшись) Да, да! Точно! Вспомнил! Простите старика! Иногда меня действительно уводит в сторону от главной мысли. Итак, мы говорили о сильной руке. Так вот, в одной из азиатских стран я был свидетелем экзотичной охоты, которая называется то ли беркучи, то ли беркутучи – не помню точного названия, хотя, Вы, наверное, уже догадались, что речь идет об охоте с беркутом...

Мощная сильная дикая птица по команде охотника слетает с его руки и, настигнув добычу, поражает ее... Вот, соб-

ственно, в чем суть охоты. Но меня заинтересовало другое. Я спросил у местных жителей: «*Как вы приручаете этих диких своенравных птиц?*» И вот что они мне рассказали.

Оказывается, беркутов берут еще совсем птенцами, причем отбирают самых сильных и самых крупных. А приручают их так.

Одевают птенцу на голову мешочек, так, чтобы он ничего не видел. Затем сажают беркутёнка на подвешенную в воздухе прочную, но тонкую нить и начинают эту нить раскачивать. Птенец, что есть силы, вцепляется лапами в нить, крыльями машет, но взлететь боится – он же ослеплен. Так его доводят до полного изнеможения, а затем сажают на человеческую руку. Понятно, в этот момент беркутёнок просто счастлив, что может наконец-то отдохнуть, сидя на чем-то твердом. Но, едва он отдохнул и привык к руке, ему вновь одевают мешок на голову и вновь сажают на постоянно балансирующую нить. Экзекуция опять продолжается до полного изнеможения и опять его, обессиленного, сажают на сильную руку человека. И так несколько дней, а, если надо, то и недель. Кстати, кормят птенцов точно также – сначала доводят чувство голода до предела, а потом сажают на руку и дают поест. Иными словами, в несмышленной птице убивается безусловный рефлекс к свободе полета, отдыха, питания и прививаются, а точнее – навязываются так называемые условные рефлексy! То есть те, которые выгодны человеку с сильной рукой. А, выражаясь проще, беркуту внушили, что

на всем белом свете нет ничего прочнее и надежнее человеческой руки...

Человеку, как и беркуту, можно внушить все, что угодно. И оправдать тоже можно все, что угодно. Например, тот же Макиавелли когда-то оправдывал римскую диктатуру, хотя и признавал, что именно диктатура породила тиранию. Но в те далекие времена два этих понятия имели существенные отличия, а ныне... ныне это практически одно и то же...

Однако ж, стоп!.. Давайте наконец-то поговорим с Вами о Вашем деле!

РОУЗ: О моем деле мы еще успеем с Вами поговорить. У меня есть другой, более интересный вопрос. Господин Доу, скажите, что Вы знаете о судьбе своих картин, которые хранились в Центральной галерее?

ДОУ (с тихой горечью): ...Увы, я не знаю ничего. Думаю, что их... хм, да... либо сожгли, либо разворовали. А ведь там были мои лучшие работы!

РОУЗ: Я постараюсь найти Ваши шедевры. Только... Могу ли я рассчитывать на то, что Вы официально уполномочите меня решить эту проблему?

ДОУ: Конечно! Кого же еще, если не Вас?

РОУЗ: Спасибо! Со своей стороны обязуюсь сделать все, чтобы отыскать и вернуть Вам картины в целостности и сохранности. И, более того... я, на свой страх и риск, еще даже не заручившись Вашим согласием, все-таки уже начал поиск Ваших шедевров. Вынужден признаться, что дело это

не из легких... Но, Вы знаете, со мною много раз происходило так. Допустим, я что-то задумал, однако тут же из ничего возникает миллион обстоятельств против задуманного. Не знаю, у кого как, наверное, любой другой на моем месте тут же опустил бы руки, а лично меня такие препятствия только подстегивают. В этот момент появляется то, что называется спортивной злостью. Мне вообще в жизни все давалось очень тяжело, я всего добиваюсь с превеликим трудом, но тем ценнее каждая из моих побед... А еще я верю в «его величество Случай». Знаете, какое определение я даю Случайности? – *«Случайность – это неосознанная или, точнее, неосознаваемая закономерность, то есть та закономерность Гармонии, которую человек не в состоянии осмыслить, проанализировать и объяснить.»* И я воспринимаю «его величество Случай» отнюдь не как элемент слепого незаслуженного везения, а как случай, который является заслуженной наградой за бессонные ночи, за усидчивость, за то, что смог победить в себе Дракона.

ДОУ: Дракона? Какого дракона? Ну-ка, ну-ка расскажите, не интригуйте старика!

РОУЗ (смеется): Ну, что Вы, что Вы!.. Какой из меня интриган!?!.. Просто один очень умный человек сказал мне как-то:

«Степ! Если ты хочешь чего-то достичь в своей жизни, если хочешь сам руководить своей судьбой, тогда знай, что тебе надо победить Дракона, который живет в каждом из

нас. И Дракон этот о трех головах. И головы эти – Лень, Трусость и Невежество! И если ты позволишь проснуться хотя бы одной из этих голов, тут же просыпаются и остальные. А они, эти головы, очень прожорливы!..»

Поэтому, когда происходит в моей жизни его величество Случай, я отмечаю про себя, что в очередной раз победил этого коварного и прожорливого Дракона... Вы, господин Доу, наверное, уже обратили внимание, что я из породы победителей!

ДОУ: Да, это трудно не заметить. Но, если честно, лично мне очень нравится в Вас это качество. Оно подчеркивает Ваши, Степ, самодостаточность и яркую индивидуальность.

РОУЗ (весело заразительно смеется): Господи, сегодня не день, а какой-то чудесный сон! Праздник души! Вы наговорили мне уже столько комплиментов, что я начинаю сомневаться – а сумею ли я отработать эти щедрые авансы?

ДОУ: Сумеете, сумеете! Не прибедняйтесь!.. Знаете, Степ, я никогда не писал так называемых комплиментарных картин. То, чем я занимаюсь – это искусство и оно должно оставаться честным, то есть нагим, беспристрастным! ...Но это искусство!.. А в повседневной, будничной жизни я давно уже обратил внимание, что люди почему-то очень неохотно говорят друг другу комплименты. Мы скупы на элементарную похвалу, а ведь чужая похвала – если она, конечно, заслуженная! – помогает человеку осознавать свою значимость, свою нужность. Похвала окрыляет бескрылых, подни-

мает упавших, воскресает умерших... И еще я заметил с какой бездумностью люди говорят друг другу гадости. Но ведь если один человек говорит о другом плохо, то в первую очередь он унижает не того – другого, а самого себя! Неужели это не понятно?..

РОУЗ: ...Господин Доу, я рискую навлечь на себя Ваш гнев, поэтому заранее прошу простить меня за дерзость, но... ведь Вы тоже в этом отношении не безгрешны. Смею предположить, что Вы наверняка ругаете новую власть и генерала Пеликана лично, хотя совершенно не знакомы с ним, как с человеком. Ведь так, признайтесь?.. А между тем, Вам, конкретно Вам, генерал Пеликан не сделал абсолютно ничего дурного. Да, для большинства энляндцев наступили тяжелые времена, но мы – новая власть – знаем, что надо делать, когда и как! И мы уже сегодня, сейчас делаем все для того, чтобы эти времена прошли как можно быстрее.

Помните, что говорили во всем мире, когда в Чили к власти пришел Аугусто Пиночет?.. – *«Варвар!.. Палач!..»* и тому подобное. Но уже через несколько лет весь мир с удивлением стал следить за процветанием чилийцев. Заговорили даже о новой экономической модели, о некоем чилийском чуде и совсем забыли об убитом президенте Сальвадоре Альенде, о казненном певце Викторе Хара... Об этих жертвах и о многих других давно уже все забыли! А вот генерал Пиночет свое имя обессмертил, потому что он дал простым рядовым чилийским обывателям то, чего никак не мог дать кремлев-

ский прихвостень Альенде... Потом, когда Пиночет на старости лет добровольно – заметьте! – передал власть в другие более сильные руки, тут же нашлись смельчаки требующие расправы над бывшим диктатором... Ох, как любят шакалы всех мастей твякать на мертвых или умирающих львов: остров святой Елены для Наполеона, Нюрнбергский процесс, в России – развенчание культа личности Сталина, в Китае – культа Мао, суд над стариком Пиночетом...

ДОУ: Вы, Степ, очень интересный собеседник, но вместе с тем весьма опасный полемист – Вы преподносите ситуацию именно так, как это выгодно Вам... Со своей стороны замечу, что история, как наука, очень своенравная барышня! Она никому и никогда не прощала вольного обращения с фактами. Ее невозможно придумать, но додумать очень, очень возможно!.. Ну, а что касается лично меня, то... да, я ругаю нынешнюю власть и генерала Пеликана не жалуя. Однако спросите меня: почему я это делаю?.. Да потому что нельзя решать за людей – как им, людям, надо жить! А дуче Пеликан решил! Решил за меня, за Молли, за всех нас! Он один знает, оказывается, что нам нужно!.. Вы, Степ, то есть – лично Вы – мне очень симпатичны. Хотя я прекрасно понимаю, что наша откровенная приватная беседа... хм... вполне может закончиться для меня более чем плачевно...

РОУЗ: Господин Доу!.. Я... я оскорблен! Неужели Вы правда такого плохого обо мне мнения? Неужели... неужели я похож на подлеца?

ДОУ: Простите!.. Ради Бога, простите старика! Я не хотел Вас обидеть. Еще раз великодушно простите! Но... не знаю даже, как начать... Ну, в общем, совсем недавно Молли услышала на рынке страшный рассказ о зверствах, которые устраиваются над жертвами пеликанского режима. Говорят, что один из офицеров, приближенных к генералу, собственноручно и с наслаждением пытается несчастных. При этом жертву заводят в небольшую комнату, окрашенную белой краской, и сам офицер тоже одевается во все белое. Кровь льется рекою, а изверг блаженствует! Но еще страшнее то, что через огромные окна за этой экзекуцией вынуждены наблюдать другие заключенные, которые тоже обречены, потому что их тоже рано или поздно ожидает белая комната с белым офицером...

РОУЗ (не сдержавшись, заливисто смеется): В детстве я боялся темной комнаты, а теперь буду бояться белой!.. (серьезно) Ну, чушь ведь это! Вы-то сами понимаете, что это чушь?!.. Да, мы не идеальны! Да, мы пришли к власти с оружием в руках! Но не надо обвинять нас во всех смертных грехах. Мне вполне понятно кто и зачем льет воду на мельницу запугивания. Но Вы-то, господин Доу, Вы-то?!.. Вы же серьезный и неглупый человек!.. И вдруг я слышу от Вас обывательские страшилки... Вот уж, право, не ожидал!

ДОУ (тихо): Степ, а Вы знаете, кажется, я догадался – о чем конкретно Вы хотели со мною поговорить... Вы хотите предложить мне написать портрет генерала Пеликана! Так?

РОУЗ: По крайней мере, я сделал все, чтобы подвести Вас к этой мысли.

ДОУ: Хотите, я расскажу Вам еще одну притчу? Если, конечно, Вы не устали от моей демагогии...

РОУЗ: Господин Доу, о чем Вы говорите? Этот вечер я буду вспоминать всю свою жизнь! О беседе с Вами я с гордостью стану рассказывать детям, внукам...

ДОУ: Хорошо, хорошо, Степ!.. Итак, очередная притча... *Задумал некий художник написать картину по библейским мотивам. Самый яркий и самый драматичный момент в Новом Завете, как известно – Тайная Вечеря, где Иисус, предвидя предательство Иуды, благословляет учеников, пьет с ними вино («кровь мою»), ест хлеб («тело мое»), ну и так далее.*

Суть картины, идея задумывалась на антитезе персонажей. Иисус – образ чистоты, света, целомудрия и как антипод – Иуда – символ предательства, алчности... В общем, Вы понимаете!.. Так вот. Приступил художник к работе и самой сложной задачей, как ему казалось, была проблема найти натурщика на образ Христа, ведь натурщик должен обладать не только общеизвестным портретным сходством с Иисусом, но и... взглядом!.. Особенным взглядом!..

Поверьте, в портрете самое главное – ГЛАЗА! И если художник написал именно те глаза, которые он задумал, значит, он уже написал портрет!.. Однако вернемся к нашему

рассказу...

Странное дело, но на образ Иисуса натуращик нашелся очень быстро. Это был молодой мужчина удивительно похожий на Христа и с тем самым взглядом, в котором было столько любви, столько святости!.. За три дня был написан портрет... И все!!! Работа встала!

Потому что в картине самым главным оказался образ Иуды, а натуращика на этот образ художник никак не мог найти.

Семь лет – семь долгих лет! – искал он человека с взглядом Иуды.

И вот однажды художник проходил мимо самого дешевого кабака. Возле двери этого заведения бился в пьяной истерике пропитый алкоголик ужасного вида с дикими, страшными глазами. И в этих глазах было столько боли, столько ненависти!..

Художник кое-как уговорил пьяницу позировать, посулив ему вина, денег. В общем, работа возобновилась и буквально за день картина была закончена. Но когда художник уже расплачивался с натуращиком, алкоголик зло расхохотался: «Неужели Вы не помните, что семь лет назад Вы писали с меня... Христа?»

РОУЗ: Замечательная притча! Но не могу понять – к чему Вы клоните.

ДОУ: Ни к чему я не клоню, а говорю открытым текстом: да, я буду писать портрет генерала Пеликана! Но вовсе не

потому, что Вы, Степ, меня в чем-то убедили. Я отнюдь не проникся любовью к диктатору и новой власти. В этом мы с Вами по-прежнему антагонисты. Но... я – художник! И как художнику, мне очень интересен человек, захвативший Эндляндию. Я хочу заглянуть этому человеку в глаза!.. Поэтому я готов встретиться с Вашим генералом и обсудить условия...

И еще... Вы же понимаете, Степ, что я никогда не согласился бы писать этот портрет, если б не моя симпатия лично к Вам! А посему прошу ответить так же, как и я, то есть – откровенно: скажите, Степ, зачем понадобился этот портрет новой власти, генералу Пеликану и Вам лично? Только откровенно!..

РОУЗ: Конечно, откровенно! И нет здесь никакого секрета! Вы же понимаете, что сейчас мы – новая власть – только-только начали завоевывать авторитет. Мировое сообщество, увы, отвернулось от нас. Так вот хочется, что бы политики всех стран взглянули на личность генерала глазами не рядового пугливого обывателя, а Вашим взглядом – взглядом всемирно известного и всеми почитаемого художника. И, Вы знаете (может быть это излишняя самоуверенность!), но еще задолго до нашей первой встречи я почему-то ни минуты не сомневался, что мое предложение Вас заинтересует. Тем более что лично я абсолютно убежден – в процессе работы над портретом Вы, господин Доу, в корне измените свое отношение к генералу Пеликану.

ДОУ: Э-э-э, нет!.. Вот в этом я сомневаюсь!.. Можно объяснить Иудин грех трусостью, невежеством... можно даже простить Иуду, но полюбить этого предателя я не смогу!

РОУЗ: Простите мне сарказм, но создается впечатление, что сами Вы не читали Библию, а пересказываете содержание с чужих слов, руководствуясь при этом чужими выводами. Так мыслят священники-ортодоксы – повторяют одно и то же из проповеди в проповедь: «Иудин грех», «Иудин грех»... А в чем грех-то?..

ДОУ: (недоумевая) То есть?..

РОУЗ: В чем грех? Давайте вспомним библейский сюжет...

Иуда Искариот в числе прочих Иисусовых учеников ходит с Учителем из города в город, ежедневно глядит и видит лицемерие христовых апостолов и, чтобы доказать всем им (и Иисусу в том числе) – кто есть кто, он – Иуда – продает Христа первосвященникам за пресловутые тридцать серебряников. Так? Идем дальше... Вот Иисуса взяли под стражу и никто (никто!) из апостолов не встал на Его защиту. Правда, кто-то из учеников (по-моему, Петр) попытался убить одного из рабов первосвященников, но Христос потребовал от апостола: «*вложи меч в ножны!*» и послушный апостол отступил. Затем тот же Петр, как и было предсказано Иисусом, трижды трусливо отрекся от Учителя, а об остальных учениках евангелисты вообще даже не упоминают. Так? Идем дальше... Наступает ночь перед казнью. Апостолов ищут.

Они скрываются от кровожадной толпы. И вот их находит Иуда. Ученики брезгливо морщатся, им противен предатель. Но что же слышат они от Иуды? *«Не я предатель, – говорит им Иуда, – Не я, а вы!.. Я лишь продал Христа, а вы предали Его! Учитель сказал вам: «не убий!», но он же не сказал вам: «не умри!».* Так почему же вы все разбежались? Почему ценою собственной жизни не спасли жизнь Учителя своего?.. А что завтра?.. Завтра Иисуса распнут на кресте, и Он умрет. А вы, трусы, не умрете за Него, нет! Вы станете слагать легенды о Нем, при этом, конечно же, меня обвините в предательстве, а сами будете клясться на крови Его в любви к Нему... Но вот цена вашей лживой любви!...» – говорит Иуда и, разжимая кулак, показывает апостолам на своей ладони те самые тридцать серебряников... На следующий день Христа действительно распяли, а рядом с Голгофой на осине повесился Иуда Искариот... Ни одним серебряником он не воспользовался, потому что незадолго до самоубийства Иуда пришел к первосвященникам и швырнул им под ноги их деньги. Вот так и получается, что он единственный из учеников Иисуса кто последовал за своим Учителем и испил вместе с Ним горькую чашу Его... А что же апостолы? Они стряхнули с себя страх и... бессовестно стали проповедовать христианство, как единственно верную религию, где, по их мнению, терпимость возводится в ранг добродетели.

Так позвольте Вас спросить: кто же предал Христа? Иуда? Но он не предатель! Он больше всех нас вместе взятых лю-

бил Учителя. Потому и умер вместе с Ним... А апостолы?.. Да что апостолы – а мы нынешние?.. Не знаю, как Вы, но лично я абсолютно уверен, что явись сегодня пред людьми Иисус – Его бы вновь распяли по требованию толпы. Причем, больше всех казни требовали бы те, кто еще вчера валялся в пыли у ног Христа, умоляя Его об исцелении или Чуде. Именно они, как и две тысячи лет назад, громче всех кричали бы «*распни Его!*». Помните, как иудеи плевали Иисусу в лицо, били Его и издевались, говоря: «*прореки нам, Христос, кто ударил Тебя!*». Вы думаете, что люди за это время изменились, стали добрее? Ничуть! И если снова станет дилемма: кого распять – Христа или Варавву – то вновь распнут Иисуса, а разбойника отпустят восвояси. И понимая все это, вновь попрячутся трусливые ученики Иисуса. А затем Пилат умоет руки. И единственный, кто вновь разделит участь Христову – это все тот же Иуда Искарот.

ДОУ: Софистика!.. Чистейшей воды софистика!.. Нет, я не буду с Вами спорить, люди действительно не стали за это время ни лучше, ни мудрее. Они остались такими же. Но... Иисус-то любил их именно вот такими – то есть несовершенными. А Вы, Степ, простите, но... Вы людей не любите!.. И в Бога не верите. Нет, не верите!..

РОУЗ: Это Вы о каком Боге – о всепрощающем дедушке с седою бородкой и томным взглядом? А вокруг Него этикие серафимчики и херувимчики?.. Если об этом, то – нет, в такого Бога я действительно не верю!.. У меня вообще

очень сложное, противоречивое отношение к любой религии и церкви. Вы ведь и сами прекрасно понимаете, что церковь, как институт власти – (зло усмехнувшись) а это именно институт власти! – так вот, церковь призвана делать людей не свободными от догм, а, наоборот, зависимыми! Слово священника – закон для паствы! Любую живую мысль в церкви выкорчевывают еще в зародыше! Вспомните, к примеру, великое отлучение Бенедикта Спинозы или протестантство Мартина Лютера... И, кстати, все тот же Иисус за что был распят? – правильно, за свободомыслие и за то, что посягнул сломать самое святое – догму!!! Любая конфессия не приемлет инакомыслия. И, стало быть, Будда никогда не подаст руки Магаммету, а Христос ни за что не возлюбит атеиста или антихриста. Так?.. И еще! Любая вера порождает суеверия, с которыми затем сама же и борется. И борьба эта ведется отнюдь не на словах, а жестокосердно – огнем и мечом!.. Вспомните хотя бы, как боролись христиане с язычниками. Да и вообще... когда знакомишься с историей той или иной конфессии – становится не по себе: всюду кровь и слепая истерия. Очень уж напоминает мне все это сатанинские шабаши. Но сатанисты хоть не скрывают, что они поклоняются Хаосу, а другие-то истинно веруют, что они служат на благо Гармонии...

ДОУ: Нельзя, нельзя... так нельзя! Вы разрушили все, во что человек верит или может верить! Сколько Вам лет?.. Двадцать восемь?.. Тридцать?..

РОУЗЗ: Тридцать два года.

ДОУ: Да?.. А выглядите Вы значительно моложе. Но это потому, наверное, что из Вас, мой дорогой Степ, до сих пор не выветрился дух юношеского максимализма. Вы пытаетесь всех уравнивать... О людях Вы судите с высоты собственного положения. Но ведь Вы сами заметили, что люди в большинстве своем слабы, слабы и зависимы... Это Ваша мысль?!

РОУЗЗ: А Вы с этим не согласны?

ДОУ: Согласен, согласен!.. Но я вспоминаю слова Рабиндраната Тагора о том, что *«сильный человек – это не тот, кто способен победить еще более сильного, а сильный тот, кто способен поднять до высот своих человека слабого»*.

РОУЗЗ: Простите, но это книжная мудрость. В жизни все иначе... Знаете, господин Доу, я давно наблюдаю за людьми и, если честно, то Вы совершенно правы – я действительно не люблю людей... И не люблю я это панургово стадо вовсе не потому, что страдаю болезненным эгоцентризмом, а потому, что люди, своим безволием, пассивностью, нежеланием хоть что-то поменять в своей жизни вызывают у меня дикое и неприкрытое презрение. Однако нет в моем презрении ни капли высокомерия... Меня ведь жизнь не баловала, ой, не баловала! И всего чего я добился – я добился сам, без благосклонных протекций... Более того... Очень не люблю вспоминать об этом, но Вам расскажу... Дело в том, что семь лет назад из-за давнишней травмы позвоночника у меня парализовало ноги. И ни один врач не верил в то, что я когда-ни-

будь буду ходить. Никто не верил... кроме меня самого, разумеется. Кстати, позднее я видел парализованных людей, у которых было просто онемение конечностей и никаких болевых ощущений. Счастливчики! У меня же, особенно ночью, было такое чувство, будто меня по пояс одевают в плотный мешок с горячими углями и время от времени эти угли раскаляют до красна... Мучения – адовы!.. Сказать, что я мечтал подняться и ходить – не сказать ничего. С утра до позднего вечера, преодолевая дикие боли, я занимался физическими упражнениями по десять-двенадцать часов в сутки. На лекарства и горе-эскулапов я потратил целое состояние, но чувствовал – исцеление не в дорогостоящих медикаментах, а в деятельности, в строжайшем распорядке дня, где не должно быть ни единой свободной минуты. Иначе в эту же самую минуту придет подленькая мысль об отдыхе, о тщетности усилий, о роковой судьбе, с которой надо смириться...

Нет! Нет!! Нет!!!

Не хочу!!! Не хочу мучаться сам и мучить своим нытьем других. Хочу быть молодым, красивым, сильным, богатым, счастливым...

ДОУ: Я восхищен Вами, Степ!

РОУЗ: Спасибо, господин Доу! Но, Вы знаете, когда я все-таки и вопреки всему поднялся, то с удивлением обнаружил, что рядом со мною сосуществует очень много таких людей, которые просто-напросто махнули на себя рукой и живут, как сомнамбулы с амимичными лицами. Причем, заметьте,

они не больные, не парализованные, как некогда я, а совершенно нормальные, в абсолютном здравии. Одноклеточные амёбы! Ничего в их жизни от них самих не зависит и ничего не хотят они менять в своей жизни... И вот тогда я вывел некую формулу обывательского бытия. Хотя скорее это даже не формула, а приговор обывательскому мировоззрению.

Плохо не то, что человек живет плохо, а плохо то, что человек живет плохо, но считает, что он живет хорошо. А еще хуже, когда человек живет плохо, знает, что он живет плохо, но ничего не делает, чтобы жить хорошо. Но гораздо хуже этого, когда человек живет плохо, знает, что он живет плохо и начинает оправдывать свою никчемную жизнь: «...*время сейчас тяжелое...*», «...*правительство виновато...*», «...*все так живут...*».

Зачем живет такой человек?.. Кому нужна его жизнь, если она не нужна ему самому?..

ДОУ: ...Хм... Очень суровый приговор!.. Да... А хотите еще одну притчу из моей коллекции?

К Уильяму Шекспиру однажды пришел юноша и, гордо вскинув голову, заявил: «*Я должен у Вас учиться!*». «*А кем ты хочешь стать?*» – спрашивает его великий драматург. «*Шекспиром!*» – все так же гордо отвечает юноша. Огорченно вздохнул Уильям Шекспир: «*Сынок, в твои годы я хотел стать Богом, а стал всего лишь Шекспиром... Кем же станешь ты?*»

Без сомнения, надо стремиться к самым высоким целям.

Однако не стоит того же требовать от других. Уже хотя бы потому, что они живут свою (!) жизнь, они проходят свой (!) путь... И как они распорядятся своею жизнью – это их право! Они могут, ничего не делая, пролежать целую вечность на диване. Могут за бесценок продать себя в рабство. Могут день и ночь напролет прожигать себя по ресторанам. Могут пустить себе пулю в лоб... О-ни мо-гут, о-ни и-ме-ют право!.. Потому что это их жизнь, это их выбор!.. И никто не имеет права их судить. Мы с Вами можем не уважать их выбор, но презирать людей за это – нельзя!..

РОУЗЗ: А где грань между презрением и неуважением? Разве «не уважать» не означает «тихо презирать»?

ДОУ: Может быть, может быть... Об этом я как-то не подумал. Но... хм... Вы знаете, Степ, я о другом хотел бы поговорить... Вот Вы просите меня написать портрет Вашего генерала... Я буду писать этот портрет (и Вы можете расценивать мои сегодняшние слова, как официальное согласие), хотя предварительно мне очень бы хотелось именно из Ваших уст услышать характеристику на генерала Пеликана.

РОУЗ: Я ждал этого... и с удовольствием отвечу, но прежде необходимо оговориться: я не прошу (!) Вас написать портрет генерала, а предлагаю (!) Вам. Это существенная поправка. Любая просьба несет на себе элемент бескорыстия, а я – лицо сугубо заинтересованное. Да и Вас, господин Доу, я не уговорить хочу, а за-ин-те-ре-со-вать! Причем, Ваш гонорар – это само собой разумеющийся факт. Но

не в деньгах здесь дело!.. Давайте рассуждать!

Генерал Пеликан, хороший он или плохой – не важно, пришел к власти. Все! Принимаем это, как историческую данность. Я уже говорил, что считаю – в нашей жизни нет ничего случайного. И раз уж так исторически сложилось, что на смену мудрому, но мягкотелому президенту приходит генерал, то давайте поможем нашему с Вами народу. Давайте через Ваш пример покажем людям, что их страхи напрасны... Здесь нет проигравших – выигрывают все! Ваш имидж непоколебим – Вы честно делаете свое дело. И будущий портрет – это не заказная работа, а Ваш взгляд на нового лидера Энгляндии, на историческую и политическую метаморфозу... Господин Доу, мне ли Вам говорить, что люди устали бояться!.. Помогите обывателям!.. Помогите им поверить, что их жизням и жизням их детей больше ничего не угрожает. Генерал Пеликан не кровожадный монстр, и вместе с ним к власти пришли не маньяки и глупцы! Все мы прекрасно понимаем – хватит крови, хватит воевать...

Вы спросите меня, а зачем же нужна была та кровь, которая уже пролилась?..

ДОУ: Да, да, как раз об этом я только что хотел Вас спросить...

РОУЗ: Все очень банально! Бывшему президенту неоднократно докладывали, что кроме пустой болтовни о демократическом обществе и светлом будущем неплохо было бы для людей сделать что-то более реальное. Но Уилл Бар с удоволь-

ствием подолгу демагогировал о временных трудностях эн-ляндцев, при этом сам жил отнюдь не в бедности. Понятно, что он и его сытое, но безвольное правительство ни за что не отдали бы власть добровольно... И еще... Не знаю, поверите Вы мне или нет, но крови-то никто не хотел! Да и не было бы никакой бойни и ничего такого вообще, если б окружение Бара не оказало бы вооруженного сопротивления гвардейцам генерала Пеликана. А потом начались гнусные провокации, запугивания, грязные слухи о массовых арестах и расстрелах... Вот Вы вспомнили мифическую белую комнату... Полстраны нашептывает, будто генерал Пеликан собственноручно расстрелял бывшего президента... Причем, все это рассказывается с такими подробностями, словно они сами при этом присутствовали.

А хотите узнать, как на самом деле погиб Уилл Барр?..

ДОУ: А Вы были свидетелем его гибели?

РОУЗЗ: Почти...

ДОУ: Что значит – «почти»?

РОУЗЗ: Когда мы захватили президентский дворец и ворвались к нему в кабинет, то увидели, что Уилл Барр лежит на полу с простреленной головой, а рядом стоит его охранник с пистолетом в руках. Мы разоружили охранника (он, в общем-то, и не сопротивлялся!), и этот охранник поведал нам о том, как президент за полчаса до смерти заперся вместе с ним в кабинете, вылил в себя целую бутылку виски, надрывно рыдая, вертел в трясущихся руках пистолет, но так и не

осмелился в себя выстрелить. По его приказу это сделал ничего не понимающий охранник.

...Такая вот... геройская смерть!..

ДОУ: ...Хм, да... не весело...

РОУЗ: Простите меня! Я ведь знаю, с какой теплотой Вы относились к бывшему президенту... Честное слово, я не хотел Вас расстраивать и разочаровывать... Но... еще раз простите, но Вы обманывались... Президент Уилл Бар никогда не был таким, каким его представляли себе Вы.

(Звонит телефон Роуза. Он начинает разговаривать по телефону. Доу растерян, что-то бормочет себе под нос.)

ДОУ: Может быть, может быть... Вот ведь как... Хм, да...

РОУЗ (разговаривая по телефону): Лейтенант Роуз! Слушаю!.. Так... Хорошо... Так... А где?.. А-а-а, значит, уже завтра!.. Отлично... Хорошо, я скоро буду!

(Роуз отключает телефон и обращается к Доу)

РОУЗ: ...Я очень сожалею, но мне пора уходить! Могу ли я попросить Вас о следующей встрече?..

ДОУ (рассеяно): ...Что?.. Извините, не понял, что Вы сказали...

РОУЗ: Если Вам удобно, давайте увидимся завтра вечером. Дело в том, что... я разыскал практически все Ваши картины, которые пропали из Центральной галереи. И, вполне возможно, в течение двух-трех дней я улажу все формальности и доставлю Вам Ваши шедевры.

ДОУ: Боже!!! Да неужели это правда?!.. Господи, как я

счастлив!... Спасибо Вам, мой дорогой Степ!.. Огромное, огромное спасибо!..

Сцена 3:

БЕЗ НАЗВАНИЯ и БЕЗ СМЫСЛА

(На сцене появляется Четт Доу. Навстречу ему из другой кулисы выходит Молли)

МОЛЛИ: Господин Доу, я только что была в аптеке Вилса и он долго расспрашивал меня о господине Роузе, а потом... потом аптекарь Вилс рассказал, что господин Роуз... и есть тот самый офицер из белой комнаты.

ДОУ: Что такое?.. Что ты сказала?..

МОЛЛИ: Я говорю, что господин Роуз и есть тот офицер, который пытается людей в белой комнате...

ДОУ: Откуда, откуда, откуда ты это знаешь?.. Что рассказал тебе Вилс?..

МОЛЛИ: У того офицера-кровопийцы должен быть небольшой шрам над переносицей, и нет одной фаланги на мизинце левой руки... Когда придет господин Роуз обратите внимание на его...

РОУЗ (выходя из кулис): А я уже здесь!..

(Роуз в черном военном мундире, на лице его сияет улыбка, в руках папка с какими-то документами)

РОУЗ: Господин Доу, я принес документы, благодаря которым к Вам вновь вернуться все без исключения Ваши кар-

тины.

ДОУ: ...Извините, Степ... то есть... Извините, господин лейтенант... Вероятно, Вы только что слышали то, о чем говорила Молли?..

РОУЗ (абсолютно спокойно, по-прежнему беззаботно улыбаясь): Да, я все слышал... Но я не подслушивал. Это получилось само собой.

ДОУ: Так... это правда?

РОУЗ: Что – правда? Что я и есть тот самый мифический офицер из белой комнаты?.. Господин Доу, Вы же прекрасно понимаете, что чем больше я сейчас стану опровергать эту чушь, тем меньше с Вашей стороны будет ко мне доверия. Поэтому давайте сменим тему.

ДОУ: И все-таки я прошу Вас ответить: правда это или нет?

РОУЗ: Ну, хорошо... нет, это не правда!..

(Доу смотрит на офицера – замечает небольшой шрам над переносицей, переводит взгляд на левую руку – видит, что на руке на мизинце нет фаланги. Роуз спокойно и неотрывно глядит на художника, по-прежнему улыбаясь.)

ДОУ: А Вы знаете, господин Роуз... я Вам не верю!

РОУЗ: Господин Доу, успокойтесь... Вы, конечно же, можете мне не верить, можете сейчас встать в позу. Впрочем, я и не собираюсь ни в чем Вас убеждать. Но подумайте о своих картинах...

ДОУ: Ага!.. Замечательно!.. Я так и знал!.. Шантаж!..

РОУЗ: Ну, куда Вас понесло? «...*Белая комната... кроватница офицер... шантаж...*». Господин Доу, перестаньте...

ДОУ: Господин офицер, я не жирондист и не торгую своей совестью! Уходите!!!

РОУЗ: Хорошо, я надеюсь до завтра Вы успокоитесь и тогда мы поговорим...

ДОУ: Нет, господин офицер! ...Ни завтра, ни когда бы то ни было больше Вы не переступите порог моего дома... Прощайте!

РОУЗ: Значит, Вы отказываетесь...

ДОУ: Хм, да... Я отказываюсь писать портрет Вашего генерала! Равно как и отказываюсь иметь хоть какое-то дело с Вами и Вашей компанией...

РОУЗ (злбно расхохотавшись): А ты не охренел?

ДОУ: Что-о?..

(Роуз хватает художника за грудки, сильно швыряет Доу в кресло. Тут же вновь подсакивает к нему и, больно ударив художника в живот, одной рукой держит его за горло, другой выхватывает пистолет и трясет им возле носа Чета Доу. Доу хрипит, даже не пытаясь сопротивляться. Роуз дико орет на художника.)

РОУЗ: Слушай и запоминай: старый облезлый козел, ты завтра же приступаешь к работе!.. Понял? Завтра же!.. Иначе я с тебя с живого кожу сниму!.. Все понятно?.. Не слышу!.. В глаза смотреть!.. Отвечай!.. Не слышу!.. В глаза!..

ДОУ (задыхаясь): Господи, что Вы делаете?.. П-пустите

меня?.. Оставьте!..

РОУЗ (продолжая избивать художника): Я не слышу ответа!.. Когда ты преступаешь к работе?..

ДОУ: Завтра же... завтра... х-хорошо...

РОУЗ (брезгливо вытирая руки, спокойным циничным голосом): Вот так-то!.. И запомни, скотина, если Пеликан хотя бы раз пожалуется мне на тебя, ты пожалеешь, что родился на свет!.. Понял меня, демагог хренов?.. Понял, спрашиваю?..

ДОУ: ...П-п-понял... Не надо больше... Умоляю... У меня больное сердце!..

РОУЗ: Хочешь, я познакомлю тебя с белой комнатой?.. Хочешь?..

ДОУ: М-м-мне плохо...

РОУЗ: И еще запомни: если ты, пердун гребаный, надеешься, что за тебя кто-нибудь заступится или хотя бы слово замолвит, то, во-первых... слушай меня!.. во-первых, уже официально объявлено, что ты принимаешь правительство генерала Пеликана и сам... слышишь – сам!.. предложил генералу написать его портрет... смотри мне в глаза!..

ДОУ: Н-н-не надо... о, Боже!..

РОУЗ: ...А во-вторых... запоминай!.. во-вторых, открою тебе маленькую тайну: ни одна страна, которая отзывала своих полномочных представителей из Энляндии, не захотела тебя принять... Ты слышишь меня?.. Они хотели забрать тебя только вместе с твоими говенными картинами, но мы ска-

зали, что картины твои погибли во время пожара. И тогда... слушай внимательно!.. тогда они (все!) тут же забыли о тебе!.. Делай вывод: с голой жопой ты никому не нужен!.. Никому!.. Понял?.. Понял или нет?..

ДОУ: П-п-понял...

РОУЗ (снова схватив художника за грудки, трясет его):
Итак, когда ты приступаешь к работе?..

ДОУ: Завтра...

РОУЗ: Когда?.. Не слышу!..

ДОУ: ...П-п-пустите... Мне п-плохо... сердце... Молли, Молли...

РОУЗ: Молли!..

МОЛЛИ (спокойно): Я здесь.

РОУЗ: Где шляешься, корова!?!.. Быстро принеси сердечные капли и стакан воды!

ДОУ: ...Молли, скорее!..

(Молли едва уходит за кулисы и тут же появляется. В руках у нее стакан с водой и бутылек с сердечными каплями.)

РОУЗ: Сначала мне! У меня тоже есть сердце!..

(Роуз выхватывает у нее воду, жадно отпивает пару глотков, делает несколько шагов и, с хрипом, как подкошенный, падает замертво.)

ДОУ: Что это с ним?..

МОЛЛИ: Господин офицер выпил яд!..

ДОУ: Яд?!.. Какой яд?..

МОЛЛИ: Обыкновенный яд... Только я хотела, чтобы

этот яд выпили Вы, господин Доу, а выпил он.

ДОУ: ...Т-ты х-хотела меня отравить?.. Но зачем, Молли?.. Зачем?..

Занавес медленно закрывается.

На авансцене остается одна Молли.